

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 811. 161. 1'373. 23

Е.А. Астафьева

ФАКТОРЫ, ОПРЕДЕЛЯЮЩИЕ ВЫБОР ФОРМЫ ЛИЧНЫХ ИМЕН В ДИСКУРСЕ ДИАЛЕКТНОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ

Объектом анализа являются личные имена в речи русского старожила Сибири, типичного представителя традиционной народно-речевой культуры, предметом изучения – их функционирование в дискурсивной практике диалектоносителя. Источником работы послужили данные устной спонтанной речи языковой личности и идиолектного ономастикона, репрезентирующего систему имен собственных информанта. Рассматриваются особенности употребления личных имен, анализируются факторы, влияющие на выбор говорящим формы имени (полное / неполное / квалитативное) и предпочтение одного из вариантных образований в пределах типа.

Ключевые слова: диалектная языковая личность; антропонимия; дискурс; функционирование личных имен; русские говоры Сибири.

Изучение личных имен – обширного класса онимов, отличающегося ярким национальным своеобразием, отражающего особенности духовной культуры и национальной ментальности этноса, входит в число актуальных направлений лингвистики. О внимании ученых к русскому личному имени свидетельствуют и активно создаваемые ономастиконы, и многопараметровое описание антропонимов в синхронии и диахронии, на общерусском и региональном материале, с позиций традиционных и новых подходов. В свете развития современной лингвистической парадигмы возрастает интерес к исследованию имени с позиций «человека говорящего», его рассмотрению в когнитивно-дискурсивном, лингвокультурологическом, лингвоперсонологическом планах. Пока эти задачи решаются в большей степени на литературном материале и с опорой прежде всего на словарные и письменные источники – художественные тексты, данные государственных и семейных архивов, интернет-дискурс (А.В. Суперанская, В.Д. Бондалетов, Н.А. Гончарова, К.А. Елистратова, Л.И. Зубкова, К.Ю. Курс, В.К. Харченко, Е.М. Черникова, Т.В. Аникина и др.). Работы, опирающиеся на диалектный материал, более малочисленны (П.Т. Поротников, А.Ю. Карпенко, Т.А. Сироткина, Е.И. Сьянова, Т.Б. Кузнецова и некоторые др.), единичны публикации, посвященные антропонимии конкретных представителей традиционной культуры (О.Н. Симушова). В функциональном плане рассматриваются преимущественно художественно-стили-стические цели использования автором личных имен персонажей в беллетристике (Е.Г. Прийтенко, Т.В. Бакастова, Е.Ю. Соколова и др.). В ряде работ имеются отдельные наблюдения над факторами, определяющими выбор формы имени (см., например, [1–3]), но их целостное описание в идиолекте рядового носителя языка, в том числе диалектоносителя, пока отсутствует.

В настоящей работе объектом анализа послужили личные имена в речи сибирской крестьянки В.П. Вершининой (1909–2004)¹. Исследование представляет собой составную часть масштабного проекта томских диалектологов, посвященного изучению фе-

номена диалектной языковой личности². Под личным именем в узком значении термина понимается именование, «служащее для обозначения отдельного человека и данное ему в индивидуальном порядке для того, чтобы иметь возможность к нему обращаться, а также говорить о нём с другими» [6. С. 4]. Предметом анализа является функционирование антропонимов этого класса в дискурсивной практике диалектоносителя. В статье ставится задача выявления факторов, влияющих на выбор формы личного имени³.

Источником материала послужили сделанные диалектологами Томского государственного университета записи спонтанной речи информанта объемом около 10 000 страниц и созданный на их основе словарь антропонимов [7. С. 11–201].

Личные имена занимают центральное место в антропонимиконе диалектоносителя как по количеству, так и по частоте употребления. В «Идиолектном ономастиконе...» представлены 483 личных имени (для сравнения: 128 отчеств, 261 фамилия, 92 прозвища); средняя частота употребления единиц этой группы антропонимов в речи В.П. Вершининой составляет 64,2 (ср.: 30,4 у отчеств, 10,6 у фамилий, 3,9 у прозвищ).

В составе личных имен в антропонимиконе диалектоносителя выделяются полные, неполные имена и квалитативы. Полные имена соотносимы с первой частью трехчленной формулы русского именования (*Николай, Анна*), закрепленной документально. Неполные имена представляют собой более лаконичные безоценочные дериваты от полных имен (*Коля, Колька, Аня, Анька, Нюра, Нюся*), квалитативы – производные от полных имен со значением субъективной оценки (*Коленька, Колюшка, Анечка, Аннушка*)⁴. В индивидуальном ономастиконе сибирского старожила зафиксированы 151 полное имя, 225 неполных и 107 квалитативных личных имен.

Характер используемого говорящим личного имени обусловлен рядом факторов. Предпочтительный выбор формы имени во многом определяется **коммуникативной ситуацией**, в широком понимании включающей комплекс слагаемых.

Прежде всего коммуникативная ситуация детерминирована **характером языкового существования** индивидов в социуме, членами которого они являются. Специфика традиционной русской культуры сельского общения в отличие от городской, по В.Е. Гольдину, связана со слабой расчлененностью коммуникативной сферы (бытовое не отделено четко от хозяйственного и производственного, а личное, индивидуальное – от коллективного), особенностями социально-ролевой организации коммуникации, когнитивным своеобразием (высокая степень близости информационных баз членов одного сельского коллектива, зоны актуального внимания, где приоритетны семья и соседи, дом и хозяйство, промыслы и природа; важность знаний, полученных в непосредственном личном опыте) и сферой коммуникативных средств (устная форма речи, «ее предельно разговорный характер и в том числе диалогичность») [9].

Названные особенности определяют преобладание неофициальных форм имен в спонтанной речи диалектоносителя, ориентированной на сферу личного и бытового в среде представителей традиционной народно-речевой культуры. По данным «Идиолектного ономастикона сибирского старожила», неполные и качественные имена используются В.П. Вершининой в 4,6 раза чаще, чем полные (25 434 употребления против 5 583).

Соотносятся с названным фактором такие взаимосвязанные между собой особенности коммуникативной ситуации, как **наличие / отсутствие личных контактов между именуемым и именуемым, при их знакомстве – регулярность / нерегулярность общения и степень близости коммуникантов**. В старожильском селе Вершинино, сохраняющем многие черты традиционного сельского социума, большинство жителей хорошо знают друг друга на протяжении длительного времени, широко развиты и активно поддерживаются отношения кровного и некровного родства. Все сказанное типично и для исследуемой языковой личности. В связи с обширностью круга неформальной коммуникации (в него входят знакомые крестьянке с детских лет коренные односельчане, родственники из Вершинина, окрестных деревень и областного центра, а также несколько семей горожан, воспринимаемых в качестве близких) и сосредоточенностью интересов диалектоносительницы на лицах этого круга закономерно преобладание в ее речи неполных и качественных форм: : Андрюшка [внук] *от счас всё время рабо'тат, Алка* [его жена] *работала... Ну от не дают им квартиру, нигде; Я говорю е'то [жене племянника]: «Аня! Вы помири'тесь. Так один перед одне'м, – говорю, – козыря'те»; А тут Нюра* *наша приехала. Сестра-то моя; Нюра'шка была тут, моя хре'сница, это её сестра – ну та двадцать семо'го года, а Шура* *двадцать четвёртого; [бывшей жене брата, соседке:] Физа! А Физа! Чё не идёшь в и'збу-то?; А это, к нашим [о живущей в Вершинино семье племянника], к Аньке* *приехали сёстры. Две сестры, одна с троими па'рнями, а та, после'дня, Верка – ты Верку* *знашь, она тут жила. Конопа'та така', ры'жа; Пойду я дойду до*

Лёньки [соседа]. А то он, мо'жет, уедет куды'; И он [односельчанин] это: «Ты-то как живёшь? Как здоровье?» Я говорю: «Како' же, Володенька, здоровье? Скоро девяносто лет будет, говорю – како' здоровье?»; [Односельчанке:] Катюха-то моя. Приехала, картошки пошла мне копать [о городской знакомой]⁵.

При упоминании людей, лично известных информанту, но не входящих в круг ее постоянных контактов, обычно используется форма полного имени: *Как идёшь бы к Леонтию туды', в переулоч – сюды' бы поставили [дом] они!; А я пошла, Евгения-то тут-ка, да говорю: «Идите, Евгения!» Ну Евгения* *пришла, с дочерью своей, да те-то; Идут два, <...> латыши были [в Вершинино], здоро'вы-здоро'вы были, прямо под потолок. <...> А они* *идут, два брата, Иван и Роберт; А тут, гыт, эти, Аникины взяли, гыт, эту-то... Алёну; А он [брат] женился в двадцать девятом. И его... тя'тя сразу его отделил, в эту половину. Ну, она [изба] была не отстроена. <...> Финосе'й уж какой-то был плотник, я помню, он всё отстраивал: рамы изде'лал, косяки изде'лал.*

Составляющей коммуникативной ситуации можно считать также **коммуникативное намерение говорящего**, соотносимое с тематикой текста и речевыми жанрами. Формы неполных или качественных имен преобладают в широко представленных рассказах о жизни родственников и односельчан, при оценке их поступков, описании собственных повседневных забот и случаев из жизни, расспросах подруг и знакомых, диалогическом общении с близкими: *Ну, она [односельчанка-родственница] всю зиму жила [в городе]! У Агани жила там. У Мани была. У Юры жила – везде; После... уж, видно, год прошёл – она уж и не смогла на комиссию потти'. Там ходила дочка, да сестра, Надька там; У нас Мотя* *пришла на крыльце сидела; А Оксанке уж шешна'дцать лет, и кончила на ивею она, шьёт, дома шьёт, гыт...; Галя тоже, она же не работает, Таня не работает, Петя рабо'тат, не получа'т. А как жить-то?; А картошки-то у меня остались, а я четыре ряда эти, да и тоже взяла, да и думаю: посажу Маруське; А у Натаси-то есь участок-то ить, однако?; Я если куплю [мёд], то у Фе-ди, он никогда не обма'ныват; У Юры-то формовка – хоро-ошенька така' тоже, тёмно-кори'чневая; Колюха, ты давай иди помоги мне! Вместе с тем во влетающихся в бытовую канву повествования высказываниях, где диалектоноситель сообщает о данном при рождении тому или иному лицу имени, используется обычно его официальная форма. Ей отдается предпочтение независимо от того, идет ли речь о постороннем или близком человеке, взрослом или ребенке: *А у наших был Опе'н, у Степана [в семье мужа]. Не у наших, а у Степана. Мирон... Мирон там есть. Мирон, Опе'н, Лука, Кири'лла, Данила, Кузьма; Мальчик лет семнадцать – Виталий, как ли его зовут? Денис ли; А счас у его роди'лся мальчик – они опе'ть Натол'ием называют. Ну ни к чему даже; Данилой назвали [ребёнка]. <...> А это... я говорю: «Хрести'ть хоче... хо'чете, говорю, это? А мне не гля'нется ваше имя». В нескольких контекстах зафик-**

сировано также противопоставление документального имени, данного при рождении, и выбранного впоследствии деревенскими жителями для самопредставления в качестве официального: *Тут одна Акулина есть – она Лина называ'т себя; Ниной её звали, а Ани-сья писа'лась она, точно-то. А Ниной звали.*

На выбор формы имени влияет также **возрастной фактор**.

Лица старшего возраста в соответствии с речевым этикетом именуются обычно полным именем. Как правило, в этих случаях в вершининском говоре и в вокативном употреблении, и при заочном упоминании используются модели именования младшими старших «термин родства (дядя, тётка, тётя, дедушка, баба, ба'ушка) + полное имя». Таким образом называются не только родственники, но и односельчане в ситуации значительного возрастного разрыва между именуемым и именующим [10. С. 164]: *Рысью бегу, а тётка Лукерья была старушка тут-ка: «Ой, Вера-Вера, отбе'гаешь!»; Ме'лки [картошки], сва'рит их целиком в мундирах, и ес, нечи'шизны так – кидат', кидат' в рот! Я говорю: «О'споди, дядя Иван, ты чё нечи'шизны карто'шки-то ешь?»; Я и то говорю: «Ты, однако, – Коле [племяннику] говорю, – ты однако в дедушку Прокофия». Какой-то кричит ши'бо-ко; А остались сироты' они [о семье своего отца]. Ба'ушка их ро'стила. От наверно от, «ба'ушка Азафья», он [отец] всё говорил. Всё ходил хрес – там хрес упал, сгнил, – он пенёк поставил, всё могилку подлаживал ба'ушке Азафье.* Число подобных случаев в дискурсе информанта невелико: на период записи речи крестьянки в ее круг общения входили либо ровесники, либо младшие по возрасту, именование старших жителей села нашло отражение в речевом жанре воспоминаний.

Что касается употребления имен вне упомянутой модели с приложением, то здесь также можно наблюдать тенденцию к называнию немолодых членов сельского социума полным именем. Такие примеры встречаются и при обозначении старших, и пожилых ровесников: *А тут одна старуха была – ну она старье меня была, давно уж она умерла. Меримьяна...; Устинья приходит ко мне. «Кума, знаешь чё? В Кола'ровой бразу, гыт, выливают, в Бату'риной, гыт, прямо всё...»; У их порода туберкулёзники все были. Брат Никифор был, Дими'трий был, Павел был – это три брата по'мерло, мать с отцом по'мерли лёгкими; Парьмен чёрный был. Ну брови не таки' были косма'ты. У этого уж ши'боко чёрны таки'.*

По отношению к детям, младшим родственникам и молодым односельчанам диалектоносительницей обычно используются неполные формы типа Коля, Валя, Аня и Колька, Валька, Анька. Дериваты на -ка не имеют эмоционально-оценочных коннотаций, однако обладают некоторой стилистической сниженностью. Они широко употребляются при именовании младших «за глаза»: *У того тоже – сколько [детей]? Шес' ли... Вовка, Витька, Пашка, Ленка, Анька, Светка – шес', наверно, детей; Алёнка – это мну'чка, у Фи'зе-то; А у дочки три мальчика, десятый класс Егорка зака'нчиват у ней; Ну у их Андриюшка, вот*

скоро два с половиной года будет, дак он ну кого, ребёночек такой? В ситуации заочного именования бессуффиксальные и суффиксальные неполные формы часто выступают как равноправные варианты для обозначения одного и того же лица: *Вот Машиа и Дашиа. Дашиа ма'ленька, а побольше девочка Машиа; У Дашики день рождение было, семь лет ей; А от она любит, эту [внучку], Женьку лу'че всех любит; Ну Женя сильно бо'йка!; И тут фе'ришлом послали Иру, суды' работать её направили; Цитрамон пила, а врач-то гыт: «Не надо было». И да'йче Ирка гыт: «Не надо»; А её [жену племянника] тоже за глаза тоже все зовут «Анька». Ну Анька-то, она молода'. А она говорит: «Меня никто так не зовёт». Ну в глаза-то не зовут, а за глаза-то зовут, и я зову кода'. Не всегда Аней зову, Анькой зову.* Последний контекст указывает на узуальность такого употребления в сельском языковом коллективе.

Вместе с тем формы на -ка менее частотны в речи информанта. Ср. количественные показатели при назывании отдельных родственников: племянник Коля – 2 070 употреблений, Колька – 175; его жена Аня – 913, Анька – 347; муж племянницы Гена/Де'на – 908, Генка/Де'нка – 56; племянник Юра – 422, Юрка – 125 и др. Если использование стилистически сниженных имен в собственной речи при упоминании младших расценивается крестьянкой в качестве допустимого варианта нормы, то употребление в обращении, а также в присутствии членов семьи ребенка (в том числе уже ставшего взрослым) считается ненормативным. Ср.: *Конфет'очков поло'жила – говорю, хоть Владьке (в разговоре с диалектологом) – Владя-то ничё учится, хорошо? (в диалоге с бабушкой мальчика); Ну, у Томки нет телефона, и у Вовки, однако, нет телефона (о молодой дочери односельчанки, в разговоре с племянником) – «Тома, купи, не поишыйтай за трудность, я говорю, купи мне [конфет]!» (в разговоре с этой дочерью односельчанки); Ну, ладно, Томе привет там передай! (в разговоре с ее матерью).* Как можно видеть, в данном случае на выбор формы неполного имени влияет также **факт присутствия или отсутствия называемого лица (и его близких родственников)** при коммуникативном акте. При этом порицается как очное, так и заочное употребление «полуимен» на -ка в речевой практике молодых родственников по отношению друг к другу: *Ну, сами-то ста'ры, а они-то ма'леньки, надо привыкать. Вон Васе [сын племянника] письмо написал: «Здравствуй, Васька». Ну можно написать «Здравствуй, Вася»? А он «Здравствуй, Серёга» его написал; [поучает племянника:] «Геннадий» зови [мужа сестры], а то «Генка» зовёшь – тоже некрасиво. Как маленького.*

Предпочтение полной или неполной формы имени в зависимости от возраста отражается при именовании тезок: для старшего выбирается полное имя, младшего – неполное. Так, брат В.П. Вершининой обычно называется Николаем, а его сын Колей или Колькой, аналогично обозначаются сосед старше 60 лет Алексей/Лексе'й – более молодой сосед Лёня/Лёнька, пожилой односельчанин Иван – дальний родственник, односельчанин около 40 лет Ва-

ня/Ванька и т.д. Нарушение возрастной нормы выбора формы имени собеседниками неоднократно отмечается в метатекстовых высказываниях информанта [11. С. 328–329]: *Я говорю [односельчанке]: «Пошто' так зовёшь-то его? «Мишка», ему уж шеися'т... под се'мисят лет, я говорю, ты его «Мишка».*

Отклонение от этикетной нормы использования полного имени наблюдается, когда его немолодой носитель не пользуется авторитетом в сельском сообществе. В вершининском говоре отмечено несколько случаев такого именования (*Кузя, Павлик, Пашенька, Натальюшка, Ульянушка, Ка'тюшка*). Неофициальные дериваты используются в этих случаях только заочно, в насмешку, и являются свидетельством неуважения: *У ей [односельчанки] мужик был – тоже, десятый, наверно, – её не «Аксинья», а всё «Сима», «Сима» [звал], и мы так стали всё звать [свою родственницу Аксинью] Сима. Коля её зовёт Сима, и все зовут Сима. И он её там называют всё Симочка. Ну, как на' смех вроде. Кака' Сима? Восемьдесят лет, на девятый десяток перевалило.*

Наряду с возрастным фактором на выбор формы имени оказывает влияние **гендерный фактор**. Для мужчин зрелого и пожилого возраста полные формы имен используются гораздо чаще, чем для женщин. Показательно в этом плане именование крестьянкой своих братьев и сестер, имевших незначительные возрастные различия. Братья называются, как правило, *Николаем* и *Василием* (*Николай* раньше работал наш – как вроде бы этим... ну, в тёплом месте – в избушке де-то там: то строгал, то шил, то порол там всё делал. А *Василий* на полях всё), тогда как сестры именуются вариативно: *Елена/Лена, Анна/Нюра* (*[пересказывает сон:] Я всё в машинку пихаю, пихаю, машина не крутит... А она бы [сестра] мне большу-у ширму насняла' каку'-то бы, с матерьяла. «Ой, – я говорю, – не потянет, Анна, – я говорю, – не потянет машина!»; А тут Нюра наша приехала. Сестра-то моя; Я говорю: «Нюра, возьмите меня к себе!» – ну я нарошно, я туды' не пойду никогда'. А она говорит: «О'споди, тебе же у нас не погля'нется!»; А у меня Лена, однако, была... Ну да, Елена была [в гостях]*). Аналогичная картина наблюдается и в отношении других родственников и односельчан. Так, муж племянницы в речи информанта чаще называется *Валерием* (зафиксировано 77 раз), реже *Валерой* (40); сосед – чаще *Гео'ргием/Георгием* (281), чем *Гошей* (57), живущий в соседнем селе двоюродный брат – чаще *Яковом* (60), чем *Яшей* (13) и т.д.; из женщин близкого возраста, с которыми крестьянка общалась постоянно, полным именем называлась лишь *Аксинья*; при назывании *Августы* и *Анфисы* полные имена не зафиксированы, для *Матрёны, Пелагеи* и *Раисы* случаи употребления таких форм единичны. Кроме гендерного фактора на выбор формы личного имени здесь, очевидно, влияет степень близости коммуникантов.

При употреблении качественных форм определяющим является **характер отношения говорящего к именуемому лицу**.

Речевая практика исследуемой языковой личности свидетельствует о том, что формы мелиоративной

оценки преобладают над пейоративными именованиями. Ласкательные имена употребляются в адрес маленьких детей (*А у Лёнечки был скарлати'н, по'мер, а большой мальчик был, года четыре, пятый; [девочке:] Иди, Наташенька, попей чай!*) и единственного, рано умершего сына (*Легла и уснула – скоро так заснула! И во сне вижу Мишеньку своёго, сыночка-то; Мишеньке же память была, седьмого; Пятый год уж как Мишеньки нет. Горе, а всё равно жалко. Палари-зо'ванный был*). Они широко используются при выражении сочувствия, сопереживания (*Год Сашеньке [со дня смерти], царство небесно ему; В семь часов они [родители] ух'одят из до'му. <...> Ну от этого Алёшеньку оставляют, он выпится сам кода', потом встанет, наестся, в школу соберётся, уйдёт один, и ночует один; Васеньку-то [внука подруги] взяли в арьмию, а я это... она жыле'т, ши'бко, я знаю, что она жыле'т; А она с каким-то офицером смоталась, да уехала. А офицер её довёз докэ'дова-то, бросил, эту Женечку-то нацу; Наташенька-то, была [в гостях], бе'дненька, хвора'т... болеет; А чё, Коленьку обокрали ши'бко? <...> Полинго. Я его жалею, бедного*). Позитивное отношение к именуемым транслируется также в этикетных ситуациях выражения просьбы (*А там пришла одна знако'ма, медсестра. <...> А я говорю: «Зоенька, ты меня извини, я грю, я не знаю, как величать тебя». Я говорю: «Померяй мне давление»*), благодарности (*А я вза'муж вышла – Коленька [брат], царство небесно, изде'лал кровать'ку так [молодожёнам]*), при потчевании (*Геночка, я порезу колбаски? Поло'жу мяска'?*), для смягчения отказа (*Ну, она говорит: «Это... пойдём к столу, пойдём! К столу, идите!» Я говорю: «Я, Галенька, не хочу, я только поела»*) и др.

Пейоративные формы употребляются гораздо реже, выражая либо неодобрение поступков, поведения (*Лёньчишка от тут от, сосед – он [племянник] шёл, молоденький был – он его поймал, давай пинать да бить. Да зубы вы'пинал ему, шесь зубов вы'пинал; А я-то боюсь ему [отцу девушки] сказать-то, что Ле'нчишка-то брюха'та. Я боюсь сказать-то ему, думаю: знат ли не знат ли он?; У его был [мотоцикл] «Урал», а тут это... Ва'ньчишка, это Анькин брат – вынул у него, не знаю чё, добавил, не добавил, он каку'-то [деталь] сменял – они его не могут завести; Ну, она бо'йка така'. Тут она с одним связалась, с женатым мужиком. <...> Она с ём смоталась тоже, эта Ма'ньчишка-то, с этим, с Фёдором-то*), либо пренебрежительное отношение к асоциальным элементам сельского сообщества (*А потом, а Зо'йчишка-то пришла, пьянчужка-то – сёдня не была ешо; Я говорю [постоянно ссорящимся супругам]: «Вы как Мари'нушка с Бру'совым». У нас были бродяга, Мари'нушка её звали, а его Бру'сов, а как [имя], Ва'нюшка, ли кто ли, фамилия у его Брусов был. Они всё вместе ходили. Я говорю: «Вы как Мари'нушка с Бру'совым. Дерутся, дерутся – и вместе хо'дут»*). Для информанта характерно частое применение приемов косвенной негативной оценки с использованием ласкательных форм в иронически-неодобрительном значении: *Ешо всё недовольны <...>. А у их Вовочка всё,*

это... *Валечка-то* нос задира'т свой. Дык не дай бог, недово'льна кака'; *Гошенька* тоже повадился ходить [за выпивкой]; Ну и от *Ирочка-то* [молодой фельшер] вчара' расска'зывают сидит: «Порьча на её была кака'-то, порьча», да кто-то её лечил там... Я хоть ши'бо и не слушала, не могу и... А так думаю: дак не тебе, пошто' рассказывать-то тебе это всё?; А *Коленька-то* чё сдурел? Просил на бутылку.

В ряду определяющих выбор формы личного имени факторов следует назвать также **традицию семейного именования**. При наличии у многих неполных имен параллельных образований (*Дима / Митя, И'льша / И'ля, Маня / Маруся / Маши, Лёша / Лёня, Саша / Саня / Шура* и др.) языковая личность, как правило, опирается на форму, принятую в семье носителя имени. Так, родная сестра называется *Нюрой*, а жена племянника – *Аней*, двоюродная сестра – *Марусей*, а дочь родственницы – *Машей* или *Маней*, сын племянницы – *Сашей*, а сын односельчанки – *Шурой* и т.п. В некоторых случаях следование семейной традиции вступает в противоречие с общими нормами выбора формы личного имени. Например, дети-подростки вершининского племянника в речи В.П. Вершининой часто именуются не только «детскими» формами *Серёжа/Серёжка* и *Лена/Ленка/Еленка*, но и принятыми

для взрослых полными именами *Сергей, Елена*. Ненормативность такого употребления хорошо осознаётся самим носителем говора: *Я говорю: «Коля», как его... Сергей, ты меня свози... – привыкла, так Серге-ем зову его, не зову ни «Серёжка», ни «Серёжа», – Сергей, – говорю, – ты меня свози на это, на картошки на мотоцикле».*

Таким образом, выбор формы личных имен в речи диалектоносителя определяется множеством факторов. В их числе – характер языкового существования личности в сельском микросоциуме, наличие или отсутствие личного общения говорящего и именуемого, степень близости коммуникантов, коммуникативные намерения индивида, соотносимые с тематикой и жанрами речи, именованием человека в его присутствии или при заочном упоминании; важную роль играют также возрастная и гендерный факторы, отношение говорящего к называемому лицу, традиции семьи. Дискурсивная практика информанта свидетельствует о том, что в составе перечисленных факторов отражаются общерусские закономерности, присущие всем носителям русского языка⁶, нормы диалектной речевой коммуникации и некоторые индивидуальные особенности языковой личности в их неповторимом сочетании.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ О личности информанта и особенностях его языка см. [4, 5].

² Краткая характеристика основных результатов осуществления проекта дана на сайте Лаборатории общей и сибирской лексикографии ТГУ (<http://losl.tsu.ru>).

³ В связи с ограниченностью объема журнальной публикации анализировалось только одиночное употребление личных имен; факторы выбора двусоставных и трехсоставных моделей, в которых имена используются в сочетании с отчествами, фамилиями или прозвищами, требуют специального описания.

⁴ Названные типы личных имен выделяются в классификациях А.В. Сусловой и А.В. Суперанской [6], Н.В. Подольской [8].

⁵ Фрагменты связного текста отделены точкой с запятой. Пояснения диалектолога даны в прямых скобках. Полужирным шрифтом выделено эмфатическое ударение.

⁶ Ряд из них выявлен в работах Е.А. Айсаковой [2], К.А. Андреевой [3], В.И. Супруна [12] и др.

ЛИТЕРАТУРА

1. Поротников П.Т. Антропонимика села Пеньки // Вопросы топонимстики. Свердловск, 1967. Вып. 3. С. 17–34.
2. Айсакова Е.А. Социальная и социокультурная дифференциация обращений в современном русском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2008. 24 с.
3. Андреева К.А. Русское личное имя коммуникативно-прагматическом аспекте : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2011. 23 с.
4. Иванцова Е.В. Феномен диалектной языковой личности. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2002. 312 с.
5. Иванцова Е.В. Исследование типологических черт диалектной языковой личности // Языковая личность: Моделирование, типология, портретирование. Сибирская лингвоперсонология / под ред. Н.Д. Голева и Н.Н. Шпилюной. М. : ЛЕНАНД, 2014. Ч. 1. С. 308–347.
6. Суслова А.В., Суперанская А.В. О русских именах. 2-е изд., испр. и доп. Л. : Лениздат, 1991. 220 с.
7. Идиолектный ономастикон сибирского старожила / сост. Е.В. Иванцова, Е.А. Берестова ; под ред. Е.В. Иванцовой. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2015. 308 с.
8. Подольская Н.В. Словарь ономастической терминологии. М. : Наука, 1978. 198 с.
9. Гольдин В.Е. Доминанты традиционной сельской культуры речевого общения // Аванесовский сборник. М. : Наука, 2002. С. 58–64.
10. Иванцова Е.В. Формы выражения речевого этикета при именованиях лица // Коммуникативные аспекты слова в текстах разной жанрово-стилевой ориентации. Томск, 1995. С. 159–169.
11. Иванцова Е.В. Метаязыковое сознание диалектной языковой личности // Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты / отв. ред. Н.Д. Голев. Кемерово ; Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2009. Ч. 1. С. 321–356.
12. Супрун И.В. Антропонимы в вокативном употреблении // Известия Уральского государственного университета. 2001. № 20. С. 92–96.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 12 апреля 2016 г.

FACTORS DETERMINING THE CHOICE OF PERSONAL NAMES IN THE DISCOURSE OF A DIALECT SPEAKER

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2016, 407, 5–10.

DOI: 10.17223/15617793/407/1

Astafieva Ekaterina A. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: ekaterinaberestova@mail.ru

Keywords: dialectal language personality; anthroponymy; discourse; operation of personal names; Russian dialects of Siberia.

The article describes factors that influence the choice of personal names in the dialect speaker's speech. Names are central to the anthroponymy of an ordinary native language speaker. There are complete, incomplete and qualitative forms of names. The choice of

the personal name is conditioned by some factors. Firstly, the choice is determined by the culture type of a person who is considered as a language personality. Secondly, the choice depends on the presence or absence of personal contacts between the communicants who name and who are named, on the regularity or irregularity of their communication and degree of their affinity. Most residents of Vershinino, the village where many features of the traditional country society are preserved, have known each other for a long time and, as a result, their blood and non-blood relations are well-developed and supported. In addition, there is an age factor influencing the choice of the name form. Elderly people are usually called by full name according to the speech etiquette. The rule of the Vershinino dialect applies to both vocative using and mentioning somebody in speech. A dialect speaker of Vershinino tells they do not use a full name when addressing young relatives and children of the village. Derivatives with suffix -ka have no emotional and evaluative connotations; however, they have some stylistic pejoration. They are used extensively just for mentioning the young in speech. Along with the age factor there is a gender one. Elderly men's full names are used much more than women's. It is significant how the dialect speaker names her brothers and sisters with minor age differences. The presence or absence of the person named (and his/her relatives) is important in the communicative act, too. The preference of a complete or incomplete name form depending on the age is reflected by calling namesakes: the full name is for the elder member of a family, the short name is for the young one. If an elderly individual is not treated with respect by the country society, there is a deviation from the etiquette norm of using his / her full name. When using qualitative forms of names, the speaker's attitude to the person named has a decisive role. The speech practice of the language personality proves that meliorative forms predominate over pejorative ones. Affectionate diminutive names are addressed to little children and the only son who died young. They are used widely to express sympathy and compassion. There is also a positive attitude to persons named in etiquette situations such as requesting, gratitude, declining, and others. Pejorative forms are rarely used. They express either disapproval of any actions and behavior or disdainful attitude to an antisocial individual of the country community. Among factors determining the choice of the name is the traditional name of a person in his/her family. As far as there are parallel derivations of most incomplete forms, the language personality commonly relies on the form which is used in the person's family. The discursive practice of the informant proves that all the above-listed factors show all-Russian foundations relevant to all Russian speakers, norms of dialect speech communication and some individual features of the language personality in their unique confluence.

REFERENCES

1. Porotnikov, P.T. (1967) Antroponimika sela Pen'ki [Anthroponymy of the Penki village]. *Voprosy toponomastiki*. 3. pp. 17–34.
2. Aysakova, E.A. (2008) *Sotsial'naya i sotsiokul'turnaya differentsiatsiya obrashcheniy v sovremennom russkom yazyke* [The social and socio-cultural differentiation of address in modern Russian]. Abstract of Philology Cand. Diss. Moscow.
3. Andreeva, K.A. (2011) *Russkoe lichnoe imya v kommunikativno-pragmaticheskom aspekte* [Russian personal name in a communicative-pragmatical aspect]. Abstract of Philology Cand. Diss. Moscow.
4. Ivantsova, E.V. (2002) *Fenomen dialektnoy yazykovoy lichnosti* [The phenomenon of dialectal language personality]. Tomsk: Tomsk State University.
5. Ivantsova, E.V. (2014) Issledovanie tipologicheskikh chert dialektnoy yazykovoy lichnosti [Study of typological features of the dialect language personality]. In: Golev, N.D. & Shpil'naya, N.N. (eds) *Yazykovaya lichnost': Modelirovanie, tipologiya, portretirovanie. Sibirskaya lingvopersonologiya* [Language Personality: Modeling, typology, portraiture. Siberian linguopersonology]. Vol. 1. Moscow: LENAND.
6. Suslova, A.V. & Superanskaya, A.V. (1991) *O russkikh imenakh* [On Russian names]. 2nd ed. Leningrad: Lenizdat.
7. Ivantsova, E.V. (ed.) (2015) *Idiolektnyy onomastikon sibirskogo starozhila* [Idiolect onomasticon of a Siberian old-timer]. Tomsk: Tomsk State University.
8. Podol'skaya, N.V. (1978) *Slovar' onomasticheskoy terminologii* [Dictionary of onomastic terminology]. Moscow: Nauka.
9. Gol'din, V.E. (2002) Dominanty traditsionnoy sel'skoy kul'tury rechevogo obshcheniya [The dominants of the traditional rural culture of verbal communication]. In: Pshenichnova, N.N. (ed.) *Avanesovskiy sbornik* [Avanesov Collection]. Moscow: Nauka.
10. Ivantsova, E.V. (1995) Formy vyrazheniya rechevogo etiketa pri imenovanii litsa [The forms of speech etiquette expression when naming a person]. In: Bolotnova, N.S. (ed.) *Kommunikativnye aspekty slova v tekstakh raznoy zhanrovo-stilevoy orientatsii* [Communicative aspects of words in the texts of different genre and style orientation]. Tomsk: Tomsk State Pedagogical University.
11. Ivantsova, E.V. (2009) Metayazykovoe soznanie dialektnoy yazykovoy lichnosti [Metalinguistic consciousness of the dialect language personality]. In: Golev, N.D. (ed.) *Obydennoe metayazykovoe soznanie: ontologicheskie i gnoseologicheskie aspekty* [The ordinary metalinguistic consciousness: the ontological and epistemological aspects]. Vol. 1. Kemerovo; Barnaul: Altai State University.
12. Suprun, I.V. (2001) Antroponimy v vokativnom upotreblenii [Anthroponyms in the vocative use]. *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta*. 20. pp. 92–96.

Received: 12 April 2016